

Александр Адабашьян: "Герой нашего времени - не Бендер, а Корейко"

У АЛЕКСАНДРА АДАБАШЬЯНА несколько профессий, хотя закончил он Строгановку и по основной профессии - художник. В кино он был художником и сценаристом в михалковских фильмах: "Неоконченная пьеса для механического пианино", "Пять вечеров", "Несколько дней из жизни Обломова", "Родня", "Свой среди чужих...". Побывал он и перед камерой в тех же "Пяти вечерах", в "Полетах во сне и наяву", "Собаке Баскервилей". Несколько лет назад у Адабашьяна был режиссерский дебют - снятый во Франции фильм "Мадо, до востребования". Сейчас в Италии снимается фильм по его сценарию. А недавно он поставил в Мариинском театре оперу "Борис Годунов".

- Наверное, такая занятость диктует очень напряженный ритм жизни?

- На самом деле я омерзительно себя чувствую в суете. Мне очень хорошо в одиночестве.

- Может быть, потому, что на самом деле вы вовсе не одиноки?

- У меня две дочери. Старшая поступила в этом году в МГУ, на факультет филологии, - изучает Византию. Я ей сказал, что она будет безработной с изысканным образованием. Младшей 15 лет, она, так сказать, в поисках себя... Жена занимается домом, детьми, у нас еще и собака, и две кошки, есть дача в Загорянке. Но даже когда семьи нет, они на даче, меня это совершенно не тяготит. Чтобы там звонить, нестись куда-то в гости... Нет, это не по мне. Я человек такой... однокомнатный.

- Значит, вам удастся и почитать, и подумать в одиночестве. А вы что-нибудь перечитываете постоянно?

- А перечитываю я всю жизнь "Войну и мир", с пугающей регулярностью и с огромным удовольствием.

- Если бы вдруг случилось чудо и на вас свалились деньги...

- Я бы ни за что не стал снимать кино! Я бы продолжал жить, как жил, только с большей степенью комфорта.

- Денежки, значит, потратили бы не на искусство, а на себя, любимого?

- Конечно, на себя, любимого! На любимую семью. Кому-то помог бы, но это другая форма эгоизма, потому что помогал бы людям, мне симпатичным, или тем, кого таковыми считал бы на тот момент. А чтобы вложить в какое-то дело или проект, возвести какой-нибудь конный памятник, экранизировать еще раз "Войну и мир", организовать новый оперный театр

- Боже упаси...

- Вообще вы человек непрактического ума?

- Абсолютно. Правда, при этом я могу давать очень ценные практические советы.

- Вы, наверное, любите лениться?

- Нет. Другое дело, что я делаю это часто. Но, делая это, всякий раз понимаю, что поступаю плохо.

- Тогда вы скорее не Штольц, а Обломов.

- Да. Штольц мне резко несимпатичен.

- А кто из известных литературных героев, по-вашему, определяет наше время?

- Растињак. Все герои "Бесов"...

- А Чичиков?

- Нет, Чичиков поэтичен! Он жулик романтического свойства, жулик-романтик. А из гоголевских героев скорее Ноздрев сейчас процветает. Вот говорят, Остап Бендер герой

нашего времени. Скорее, по-моему, Корейко. У Бендера все жульничества веселые, обаятельные, а у Корейко все это жестоко, на крови, и полное отсутствие тормозов в любви к самому себе. Хотя вообще все классические герои самодостаточны. А нынешние - они в значительной степени интересны только лишь в определенной среде, во взаимодействии, в участии в чем-то - в Думе, в фонде каком-то, в правительстве, в фирме, присосавшись к какой-то компании, организации.

Я исключаю при этом всех этих бывших наших членов политбюро, которые стали все поголовно демократами и президентами: это просто люди при власти, независимо от того, как эта власть называется. Надо будет - в церковь пойдут, перекрестятся с левого на правое плечо; послезавтра - в мечеть, и обрезание сделают, все что угодно без зазрения совести.

- Что вы понимаете под средой? Перемены во времени?

- Эту смену правил игры, очередное "кто был никем, тот станет всем".

- У

вас и десять лет назад не было иллюзий?

- Поначалу какие-то иллюзии были... А вот уже это героическое правительство самоубийц во главе с Гайдаром мне было крайне несимпатично. Самоубийц - это потому, что они же все время говорили, что лягут на амбразуру ради народа и прочее... Но вместо того, чтобы быть уже похороненными за воротами кладбища, они все процветают, возглавляют фонды, и румяные такие, и лежать будут на Новодевичьем, и очень нескоро... Но говорить тогда что-то против них, как это всегда у нас, - значит, ты за кого-то другого, а кто этот другой, ну и пошло...

- А голосовали-то, наверное, всетаки за Ельцина?

- Да, но из чисто прагматических соображений, честно скажу. Я представил себе: вот я живу в центре, вот произойдет переворот, придут какие-то новые. Старые - вся эта камарилья, президентская команда -

кинутся организовывать какие-то фонды. У каждого будет, как водится, по фонду, и каждому, стало быть, нужно будет здание, и меня к чертовой матери выселят.

- Уж очень вы иронично настроены...

- А что, всерьез к этому всему относиться? И ведь мы-то с

вами неплохо существуем. А ведь есть колоссальное количество народу, которое попросту голодает, и всем на это наплевать, как было раньше, так и есть. Вот, кстати, странно, что они все называют народом? Коммунисты, демократы, не важно. Вот я, допустим, явно для них не народ. И для тех, и для других. Крестьяне, шахтеры, учителя, артисты - тоже, видимо, не народ. И население - не народ. А вот, значит, где-то есть этот самый народ, мудрый и прочее, где-то

в эфире летает нечто, ради которого все и делается. Но когда он поднимется, по нему станут палить и те и другие, как в 1917 году, когда народ благополучно исполнил революцию, его сразу же стали стрелять, сажать, ссылая... Потому что нужды в нем уже не было. Весь народ был зачислен во враги народа.

Вот и сейчас: мы все переходим к рыночным отношениям, потому что народу, оказывается, это очень выгодно. Правда, при этом народ рискует вымереть. Но те немногие самоубийцы, которые выживут, будут от имени народа очень хорошо жить. За весь народ.

- А рыночные отношения в кинематографе, ради которых столько дров наломали?

- К нашему "революционному" съезду Союза кинематографистов 1986 г. я относился и отношусь крайне скептически. А рыночные отношения...

Я видел все это на практике в Колумбии: когда собственного кинопроизводства нет, весь прокат американский и живут только предоставлением услуг для съемок иностранцам. Вот это примерно мы и видим сегодня у нас.

- Только и снимать в Праге стало дешевле, чем у нас...

- Вот именно. Сегодня наше кино в мире абсолютно неконкурентоспособно. Во-первых, по техническим причинам. Раньше других поняли американцы, что кино - это не искусство, а индустрия. Их массовая продукция в кино по качеству превосходит все, потому и рынок во всем мире их. Весь мир ходит в американских джинсах, поет по-английски и смотрит американское кино, жуя попкорн и запивая кока-колой. Из самой читающей страны и мы превратились в самую жующую...

- С вашими прочными связями на Западе пожить там нет охоты?

- Ой, нет, нет. Мне там скучно. Они другие. Они не хуже, не лучше - они другие. Там надо родиться или очень хотеть там жить. Либо, как многие наши эмигранты, зашторить окна, закрыть двери, поставить кассету с советским фильмом, выпить водки и петь хором "Подмосковные вечера", рыдая. Только все это можно проделывать и в Люберцах, и в Черемушках.

- Что за картина снимается в Италии?

- Невероятная история любви - в разные времена, в разных странах, в трех сюжетах.

- Стало быть, в любовь вы верите?

- Что ж тут верить или не верить, если она существует как данность, как времена года.

Но чем обычно заканчиваются сюжеты о любви? Они наконец-то поженились. А что было дальше? Потом же было утро, завтрак, кто-то зевает, кто-то просто не в настроении - вот это кому интересно? Утренний сатанинский кашель курящего Ромео? Или Джульетта с похмелья? А ведь это тоже составная часть жизни двоих, и любви.

- Чехов советовал своему брату написать о том, как двое полюбили друг друга, поженились, а потом были всю жизнь несчастны...

- Вот-вот! А обычно любовные истории прерываются в момент кульминации. Или заканчиваются трагически: герои бросаются под поезд, стреляются, травятся, топят... А о счастье рассказывать скучно. Когда температура чувств спала, когда болезнь превратилась в нормальное течение жизни, все теряет смысл и интерес.

- Известно, что вы расстались с Никитой Михалковым. Как сейчас складываются ваши отношения?

- Мы здороваемся при встречах, а того, что было, быть уже не может. Мне интересно то, что он делает, это качественные, добротные картины, но сожаления, что я не участвовал в них, нет.

- Вы были очень дружны?

- Да. Очень. Но я не хотел бы обсуждать подробности того, что произошло.

- Вы не считаете, что в кино во всем мире наступил кризис?

- Оно не в кризисе, оно просто естественно видоизменяется...

- Перестает быть искусством?

- А оно никогда и не было искусством. Кино вообще вещь происхождения искусственного. Театр может быть и на площади. Технический прогресс не сделал ничуть лучше качество красок, чем при Микеланджело. И способ печатания на компьютере ничуть не делает менее конкурентоспособным Эсхила или Шекспира. А вот если из кино вынуть аппарат и пленку, все - его нету. Нет ни одного другого искусства, которое бы стопроцентно зависело от техники. Кино - абсолютно искусственное изобретение, химия, и поскольку у него есть точная дата рождения, в отличие от всех других искусств, значит, должна быть и дата смерти. Не обязательно окончательной, но какого-то видоизменения.